

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЦІАЛИЗМА *)

«Днемъ они встрѣчаютъ тьму
и въ полдень ходятъ ощупью
какъ ночью». (Іовъ 5, 14.)

Въ силу естественнаго и непреодолимаго стремленія къ единству строй нашего міровоззрѣнія всегда долженъ гармонировать съ общимъ строемъ нашей жизни и нашихъ хозяйственныхъ отношеній. Переходъ отъ производственнаго индивидуализма къ производственному хозяйственному коллективизму невозможенъ и невысказанъ безъ предварительной или по крайней мѣрѣ параллельной смѣны господствующаго индивидуалистическаго міросозерцанія. Крайній индивидуализмъ въ сферѣ экономическихъ отношеній вполне гармонируетъ съ популярнымъ въ настоящее время эмпирическимъ чувственнымъ реализмомъ или сенсуалистическимъ матеріализмомъ. Въ этомъ смыслѣ модный среди нашихъ крайнихъ прогрессистовъ матеріализмъ, признающій единственной основой истиннаго познанія и мѣриломъ реальности только физическія ощущенія индивидуума, представляетъ собою типичную философію буржуазіи, ибо въ основѣ эмпирическаго матеріализма, точно такъ же, какъ и въ основѣ буржуазнаго строя экономическихъ отношеній, лежитъ одинъ и тотъ же принципъ чувственнаго индивидуализма. Какое же міропониманіе будетъ соотвѣтствовать коллективному строю общественной жизни, основанному на непосредственномъ чувствѣ и ощущеніи внутренняго психическаго единства всѣхъ людей? Какова будетъ или должна быть философія социализма, которая призвана замѣнить въ умахъ грядущихъ поколѣній сытую и чуждую экстаза глубоко безразличную къ міру и тупо равнодушную къ чужому страданію буржуазную философію нашихъ дней?

Строго говоря, социализмъ до сихъ поръ еще не нашелъ

*) Гечатаемая интересную статью И. Гофштеттера, редакція оставляетъ на отвѣтственности автора защиту имъ системы государственнаго капитализма.

Редакція.

своихъ философскихъ основъ, даже почти не искалъ ихъ. Основоположникъ такъ называемаго научнаго социализма, господствующаго въ наши дни, К. Марксъ былъ въ значительной степени ученикомъ и послѣдователемъ Гегеля, по крайней мѣрѣ его теоріи и метода діалектической эволюціи и съ блестящимъ литературнымъ успѣхомъ, хотя и не съ большою полнотою, примѣнилъ гегелевскій методъ къ освѣщенію исторіи экономическаго и общественнаго развитія человѣчества. На тѣхъ же принципахъ гегелевской діалектики Марксъ реформировалъ и наиболѣе популярный въ дни его молодости матеріализмъ, создавши въ сущности явно двойственную и эклектическую по источникамъ своего происхожденія систему *діалектическаго матеріализма*. Поскольку діалектика есть атрибутъ духовности, діалектическій матеріализмъ долженъ былъ получить характеръ и значеніе высшаго синтеза, объединяющаго и матеріалистическое и спиритуалистическое ученіе и примиряющаго ихъ внутреннее противорѣчіе. Но эта задача широкаго и творческаго философскаго синтеза осталась невыполненной вслѣдствіе недостаточно полнаго примѣненія Марксомъ (и особенно его сподвижникомъ Энгельсомъ) заимствованнаго отъ Гегеля діалектическаго метода. Марксъ и Энгельсъ не столько синтезировали діалектику съ матеріализмомъ, сколько подчинили ее матеріализму, просто механически приставили къ нему и сочетали съ нимъ, и по общему строю своего міросозерцанія, наперекоръ собственной діалектикѣ, остались ярыми и односторонними матеріалистами.

Такой же дефектъ недостаточной выдержанности діалектическаго метода сказался и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ теоріяхъ Маркса и съ особенною силою обнаружился въ построеніи его практической программы, что и послужило главной причиной катастрофическаго провала всего матеріалистическаго социализма въ западной Европѣ. Политическую власть и активное культурное значеніе онъ получилъ только въ Россіи исключительно благодаря нѣкоторымъ характернымъ особенностямъ культурно-историческаго и духовно-политическаго развитія русскаго народа и тѣмъ принципиальнымъ отклоненіямъ и отступленіямъ отъ основныхъ догмъ марксистской программы, которыя были подсказаны гениальному политику Ленину чуткостью его политическаго реализма.

Какъ яркій примѣръ недіалектичности марксизма можно привести его теорію классовой борьбы. Получивъ ее изъ рукъ буржуазныхъ историковъ и социологовъ въ почти готовомъ и законченномъ видѣ, онъ не далъ ей должной діалектической переработки. Онъ не обратилъ вниманія на то, что борьба за классовые интересы, какъ и всякая борьба, требуетъ жертвъ и готовности къ самопожертвованію, что самый актъ самопожертво-

ванія психологически абсолютно несомѣстимъ съ какими бы то ни было практическими интересами человѣка и становится возможнымъ лишь съ того момента, когда этотъ практическій интересъ въ пониманіи борящагося за него человѣка уже переродился въ нѣкоторое *идеальное право*, въ отвлеченный *принципъ*. Нелѣпо и абсурдно умирать въ борьбѣ за свой практическій интересъ, потому что мертвый человѣкъ практически уже ничѣмъ не пользуется и не имѣетъ никакихъ интересовъ, но когда въ своемъ попоранномъ интересѣ мы отстаиваемъ свое нарушенное *право*, какъ *идеальный принципъ*, мы можемъ жертвовать собою, поскольку святыня права для насъ дороже и выше нашей личности и нашей жизни. Разъ мы умираемъ за идеи, то, слѣдовательно, мы и живемъ идеями. Это доказываетъ что активныя причины нашихъ дѣйствій выходятъ далеко за предѣлы чисто матеріальныхъ условій нашего существованія и коренятся въ какой то другой, уже нематеріальной сферѣ, что самый центръ движущихъ силъ нашей матеріальной жизни, т. е. самая основа — причина ее — таится въ сверхматеріальномъ мірѣ нашихъ идеологическихъ понятій и представленій.

Такимъ образомъ борьба за классовые матеріальные интересы всегда и неизбежно психологически перерождается въ борьбу за *классовое представленіе о правѣ*, за *классовую идеологию права*. Изъ борящихся классовыхъ идеологій — напр. феодальной и буржуазной — побѣждаетъ та, которая больше соотвѣтствуетъ въ данный историческій моментъ культурному уровню развитія и пониманія массъ. Интересы французскаго крестьянства всегда были противоположны интересамъ французскихъ феодаловъ, которые ихъ эксплуатировали и угнетали, но пока крестьянская масса вѣрила въ феодальное право, пассивно жила феодальной идеологіей и не выработала своего классоваго представленія о человѣческомъ правѣ, она психологически не могла бороться и фактически не боролась противъ феодальныхъ привилегій и даже героически отстаивала ихъ въ борьбѣ съ республиканскими войсками, какъ наиболѣе темные и невѣжественные крестьяне Бретани и Вандеи, самоотверженно умиравшіе за своихъ феодаловъ. Цѣлые вѣка во всѣхъ странахъ лишенное своего классоваго правосознанія темное крестьянство боролось и умирало за феодальное государство. Точно такъ же цѣлые вѣка во всѣхъ странахъ лишенный своего классоваго правосознанія темный и невѣжественный пролетаріатъ борется и умираетъ за буржуазное государство, а марксистская утопія продолжаетъ увѣрять насъ, что люди живутъ и вся исторія движется только матеріальными интересами классовъ. Въ дѣйствительности не во все времена и эпохи матеріальное и политическое господство господствующихъ классовъ всегда держится на ихъ духовномъ, идеологиче-

скомъ господствѣ надъ угнетенными классами — и трудящіяся массы всегда пассивно активно поддерживаютъ власть своихъ классовыхъ владыкъ только въ силу того, что сами живутъ ихъ идеологіею, ихъ понятіями о человѣческомъ правѣ и справедливости именно *наперекоръ своимъ классовымъ интересамъ*. Въ этомъ смыслѣ популярныя формулы марксистской теоріи вошли въ прямое противорѣчіе съ фактами исторіи, а исторія разошлась съ марксистской теоріей. Исторически борьба между классами становится психологически возможной — и фактически начинается только съ момента образованія противорѣчащихъ другъ другу классовыхъ правосознаній и носитъ форму не борьбы за классовые интересы, а борьбы за классовыя идеологіи. Молодое увлеченіе матеріализмомъ сдѣлало марксистовъ слѣпыми къ роли психологическаго фактора въ исторіи и продиктовало имъ явно неточныя формулы соціального прогресса, повлекшія ихъ къ роковымъ тактическимъ ошибкамъ.

Въ борьбѣ за классовую идеологію права въ концѣ концовъ обычно побѣждаетъ наиболее прогрессивный классъ. Свергнувъ противниковъ при поддержкѣ революціоннаго большинства населенія, онъ захватываетъ политическую власть и придаетъ своимъ правовымъ принципамъ силу государственнаго закона, обязательнаго для всѣхъ гражданъ. Это значитъ, что съ момента политическаго торжества класса его классовая идеологія права уже перестаетъ быть только классовой и становится національной. Въ буржуазной Франціи уже ни одинъ изъ феодаловъ не пользуется ни правомъ первой ночи, ни правомъ феодальныхъ поборовъ и за самую попытку реализовать старыя права былъ бы осужденъ по статьямъ кодекса, карающимъ за грабежъ и изнасилованіе. Національная совѣсть всей современной Франціи несомнѣнно санкціонировала бы такой приговоръ, ибо всѣ французы нашей эпохи живутъ уже не феодальными, а буржуазными представленіями о правахъ человѣка. Такимъ образомъ временное раздѣленіе классовъ въ борьбѣ за правовые идеалы приводитъ въ концѣ концовъ къ общему національному объединенію ихъ подъ знаменемъ наиболее прогрессивнаго представленія о правѣ, легшаго въ основу обновленнаго національнаго государства, и является лишь орудіемъ и средствомъ общаго соціально-правового и этическаго развитія *всей націи*.

Не прослѣдивъ всего этого историческаго процесса, діалектически ведущаго отъ раздѣленія къ объединенію, марксизмъ остановился, вѣрнѣе говоря, застрялъ на переходномъ моментѣ раздѣленія классовъ и канонизировалъ классовую борьбу, какъ естественное состояніе общества. Верховнымъ принципомъ жизни онъ провозглашаетъ матеріальный классовый

интересъ и классовый эгоизмъ и во имя этого мнимаго божества отвергъ и націю, и національное государство, и національно-государственную солидарность гражданъ, общечеловѣческую мораль, и идею справедливости, и самое понятіе о правѣ. Въ силу недостаточно діалектическаго пониманія исторической дѣйствительности марксизмъ фанатически отвергъ всю эту историческую дѣйствительность, оторвался отъ современной жизни, фактически протекающей именно въ руслѣ національной солидарности и національныхъ раздѣленій и, сохраняя имя «научнаго социализма», въ дѣйствительности давно сдѣлался абстрактно-утопическимъ.

Методологически невѣрное пониманіе исторіи и всего механизма социальнаго прогресса очень неблагоприятно отразилось на тактическихъ приѣмахъ и на политикѣ европейскаго социализма, подорвало его культурно этическую цѣнность, сдѣлало его безвластнымъ и бесплоднымъ. Выросшій на почвѣ философскихъ недоразумѣній разрывъ съ идеей права и общечеловѣческой морали идеологически принизилъ и деморализировалъ наиболее прогрессивный классъ рабочаго пролетаріата и много способствовалъ возвращенію европейскихъ народовъ къ почти первобытному звѣриному одичанію. Идея диктатуры пролетаріата, непримиримо враждебнаго всѣмъ остальнымъ классамъ общества, оторваннаго отъ родной націи, принципиально отрицающаго основы общечеловѣческаго права, плюющаго на общечеловѣческую этику, руководствующагося однимъ только безграничнымъ классовымъ эгоизмомъ, классовою ненавистью и местию, морально и политически изолировала его отъ всѣхъ остальныхъ классовъ общества, сдѣлала социализмъ страшнымъ пугаломъ для ремесленныхъ труженниковъ и трудового крестьянства, сплотила всѣхъ его враговъ и, выдвинувъ такихъ организаторовъ, какъ Муссолини, Гитлеръ и Дольфусъ, привела къ общеевропейскому провалу весь европейскій социализмъ. Разгромъ социаль-демократической и коммунистической партій въ Римѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ имѣетъ свои историческіе корни въ ненаучности и въ недостаточности діалектической разработки руководящихъ теорій марксизма. Въ сущности онъ и до сихъ поръ остается безъ широкаго и прочнаго научно-философскаго обоснованія и жестоко расплачивается за теоретическія увлеченія и недодуманности своихъ основоположниковъ.

Сила рутины и традиціи среди крайнихъ прогрессистовъ такъ же непреодолима, какъ и среди самыхъ темныхъ реакціонеровъ. Она заживо канонизируетъ всѣ ошибки великихъ учителей и не допускаетъ критическаго пересмотра основныхъ положеній ихъ системы. Слѣдуя прочно установившимся преданіямъ старины, не особенно вдумчивыя современные вожди

продолжаютъ и въ наше время съ ангельскою наивною логически базировать социализмъ на философскихъ воззрѣніяхъ и методахъ его принципиальнаго врага — революціонной буржуазіи прошлаго вѣка: слѣпо увѣровавши въ духовное наслѣдіе буржуазной революціи, боровшейся съ католической и феодально-королевской Франціей проповѣдью матеріализма и атеизма, они и теперь ведутъ ожесточенную войну съ христіанствомъ и со всѣми спиритуалистическими ученіями и усиленно пропагандируютъ, какъ святую и непререкаемую истину сенсуализмъ и матеріализмъ, хотя каждому очевидно, что онъ скорѣе можетъ дать логическое оправданіе для самаго разнузданнаго эгоизма и буржуазно-капиталистическаго хищничества, чѣмъ толкать къ альтруизму и къ развитію социальной солидарности. Изумительно, какъ могутъ выдающіеся, ярко творческіе, и чрезвычайно логическіе и послѣдовательно думающіе умы застыть и окаменѣть въ философскомъ анахронизмѣ: историческій врагъ въ нашу эпоху уже совсѣмъ другой, не феодализмъ, поддерживаемый католичествомъ, а очень вольнодумная и глубоко безрелигіозная буржуазія, ея интеллектуально-политическая база — совсѣмъ иная, социальная цѣль и задача борьбы — абсолютно новая, а вся философски-революціонная аргументація остается та же самая старая-престарая, традиціонно матеріалистическая и атеистическая, какъ и въ эпоху дѣдушки-Вольтера! За неумѣніемъ логически свести концы съ концами въ основу общечеловѣческаго будущаго кладутся мысли и построенія, представляющія собою продуктъ дегенераціи и разложенія отжившаго прошлаго.

Каждому объективно-мыслящему наблюдателю совершенно ясно, что на такомъ абсурдѣ долго не усидишь. Всего хуже для дѣла, что старозавѣтность передовыхъ отрицателей ставитъ ихъ въ противорѣчіе и съ тѣми социальными идеалами, которые они пытаются осуществить, и съ тѣми общественно-этическими проблемами эпохи, которыя они должны разрѣшить. Чтобы выяснить всю противоестественность и логическую несостоятельность попытки обосновать социализмъ на эмпирическомъ или еще точнѣе сенсуалистическомъ матеріализмѣ, достаточно указать на то, что въ основѣ социализма лежитъ идея братства и равенства, а въ мірѣ нашей чувственно-матеріальной реальности нѣтъ ни равенства между людьми, ни братства между чужими. Когда христіанскіе идеалисты проповѣдовали, что человѣкъ человѣку братъ, великіе реалисты древности — римляне — говорили, что человѣкъ человѣку волкъ — и фактически были совершенно правы, ибо люди того времени не любили другъ друга, какъ братья, а рвали одинъ другого живьемъ, какъ волки. Съ такимъ же неоспоримымъ реальнымъ основаніемъ отвергали они и равенство, провозглашая

и осуществляя право сильного, именно какъ и право физическаго неравенства, и утверждая на немъ свое господство. Поскольку верховнымъ закономъ всего реального міра служить борьба за существованіе, всякій послѣдовательный реалистъ обязанъ разсуждать, какъ древній римлянинъ. Реальной философіи и реалистическимъ методомъ мышленія вполне соответствуетъ этика вольчихъ зубовъ и звѣриннаго насилія, но никакъ не человѣческая этика братской любви и самопожертвованія. Пытаясь подняться надъ звѣриннымъ взаимопожираніемъ, мы опрокидываемъ весь реальный міръ рычагомъ идеалистической мечты и этической иллюзіи.

Разгадка въ томъ, что и братство, и равенство по существу своему — понятія чисто мистическія, а не реальныя, однако же это нисколько не умаляетъ ихъ власти надъ реальнымъ міромъ, ихъ главенствующей роли въ его эволюціи и неизбежности ихъ полного осуществленія въ будущемъ. Для того, чтобы вы почувствовали въ чужихъ людяхъ своихъ братьевъ, вы должны раньше понять, что всѣ люди — дѣти одного Отца. Точно такъ же и тайна равенства, реально во всѣхъ отношеніяхъ неравныхъ между собою людей заключается въ равноцѣнности духовнаго начала каждой богоподобной человѣческой личности, а эту равноцѣнность вы можете уловить и почувствовать тоже только мистически, но не реально. Безъ переработки всей этики и психологіи современнаго общества въ духъ всеобщаго всемірнаго равенства и братства социалистической строй совершенно неосуществимъ. Для того, чтобы перейти отъ индивидуальнаго хозяйства къ коллективному и частную собственность замѣнить общественной, нужно научиться жить не личными, а общими интересами, чувствовать и воспринимать все не индивидуально, а коллективно, т. е. выйти изъ подъ власти своей реальной, чувственно-тѣлесной обособленности и отъ міра и людей, подняться и вознестись своимъ духомъ, своей мыслью, своею отзывчивою совѣстью надъ своимъ животнымъ, грубо-чувственнымъ, звѣрино-плотскимъ и потому всегда эгоистическимъ и хищнымъ индивидуализмомъ. Философія будущаго должна отвѣчать этому первому, основному и главному требованію нашего социальнаго развитія — освобожденію отъ тысячелѣтней власти зоологическаго, плотски мясного и, по плотски-чувственной ограниченности своей, всегда непреодолимо хищническаго эгоцентризма.

Въ полной мѣрѣ такого состоянія абсолютной свободы и отрѣшенности отъ власти своего физическаго тѣла достигалъ одинъ только Христосъ, который непрерывно чувствовалъ свое психическое единство съ Отцомъ и въ каждомъ человѣкѣ, поэтому, видѣлъ брата. По самому мистическому воспріятію жизни Онъ былъ уже какъ бы внѣ матеріальной и плотской

шкурности реальныхъ земныхъ людей и не могъ чувствовать эгоистически. Въ противоположность Христу мы чувствуемъ себя прежде всего тѣлесно — плотскими особями, физически другъ отъ друга отдѣленными, отгороженными индивидуумами и поэтому физически неспособны чувствовать страданія другихъ, жить интересами, скорбѣть скорбями и радоваться радостями ближнихъ. Очевидно, что въ такой же точно мѣрѣ мы неспособны и къ коллективному хозяйству, ибо въ концѣ концовъ форма хозяйственной жизни есть только отраженіе и выраженіе человѣческой личности и въ сферѣ имущественныхъ отношеній: коллективная собственность это — выраженіе коллективнаго самосознанія и самоощущенія людей, а частная собственность — выраженіе ихъ индивидуалистическаго самосознанія и самоощущенія. Судите сами: возможно ли построить экономическій коллективизмъ на индивидуалистической психологійи и воздвигнуть общность хозяйства на реальной разобщенности взаимно-враждебныхъ, индивидуальныхъ эгоизмовъ?

Къ сожалѣнію весь современный социализмъ логически строится на такомъ психическомъ противорѣчійи. Этимъ объясняется, что въ практической жизни реализуются преимущественно его отрицательныя и разрушительныя, а не положительныя и творческія тенденціи. Даже въ Союзѣ совѣтскихъ социалистическихъ республикъ, гдѣ основы коллективизма сохранялись и при царяхъ въ видѣ общиннаго владѣнія крестьянъ землею и широко распространенныхъ въ народѣ артельныхъ организацій труда и хозяйства, работа по разрушенію буржуазно-капиталистическаго производства прошла неизмѣримо удачнѣе и легче, чѣмъ по строительству коллективнаго социалистическаго производства. Первая попытка непосредственной социализаціи въ видѣ передачи всѣхъ промышленныхъ предприятий рабочимъ привела почти къ полному прекращенію промышленности. Именно печальные результаты социализаціи принудили Ленина взять всю крупную промышленность въ руки государства по образу и примѣру проведенной кн. Бисмаркомъ въ Германіи націонализаціи желѣзныхъ дорогъ и нѣкоторыхъ копій, а для возрожденія мелкой промышленности и торговли возстановить подъ именемъ НЭП'а право частной собственности и частной промышленной дѣятельности. Опытъ первыхъ лѣтъ русской революціи выяснилъ полное творческое безсиліе циркулярнаго, принудительнаго бюрократическаго строительства социализма, способнаго только до тла разорить страну и вызвать стихійную *«голодную контръ-революцію»* недовольныхъ и протестующихъ массъ. Насильственная бюрократически полицейская социализація не могла дать иного результата именно за отсутствіемъ психологическихъ основъ, необходи-

мыхъ для построения новой жизни. Колоссальное прогрессивное значеніе русской революціи и огромное завоеваніе ленинскаго политическаго гения нужно видѣть въ установленіи системы государственнаго капитализма, какъ необходимой переходной стадіи къ грядущему социализму. Возстановивъ право частной собственности на плоды личнаго труда, новый режимъ воспретилъ частную собственность лишь на орудія общественнаго производства, т.е. право частной эксплуатаціи чужого труда, монополизированное государствомъ. Это совсѣмъ не социализмъ и не коммунизмъ, а только полусоциализмъ — какъ разъ именно то, чего настоятельно и властно требуетъ во всѣхъ культурныхъ странахъ живая религиозная и общественная совѣсть и активное правосознаніе народныхъ массъ, морально еще недоразвившихся до коллективныхъ формъ труда и жизни, но уже ясно чувствующихъ несправедливость частной буржуазно-капиталистической эксплуатаціи всѣхъ въ пользу немногихъ.

Такъ какъ всякое правовое государство имѣетъ своимъ фундаментомъ живое правосознаніе массъ, то переходъ отъ частнаго къ государственному капитализму, какъ къ промежуточной стадіи, ведущей къ социализму въ будущемъ, становится повелительнымъ требованіемъ національно-государственнаго развитія, а слѣдовательно и требованіемъ реальнаго общественнаго благополучія и спокойствія во всѣхъ культурныхъ странахъ міра. Не мудрено, поэтому, что самый активный врагъ марксистскаго социализма — Муссолини, преобразуя Италію въ корпоративное государство, проводитъ подъ новымъ названіемъ ту же самую совѣтскую, ленинскую систему ликвидаціи частнаго буржуазнаго капитализма и замѣны его государственнымъ капитализмомъ. Та же задача стоитъ и передъ Гитлеромъ, назвавшимъ себя національнымъ социалистомъ. Такихъ же новыхъ путей ищетъ Рузвельтъ для Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ буржуазно-спекулятивная форма капитализма пришла къ тяжелому банкротству и заставила государство кормить 12 милліоновъ семействъ безработныхъ рабочихъ. Всѣ пути, которыми протекаетъ жизнь культурныхъ народовъ, ведутъ къ одному и тому же исторически неизбѣжному акту — къ подчиненію національной промышленности національной государственной власти, а въ этомъ и заключается самая сущность государственнаго капитализма.

Чтобы понять безусловную необходимость такого перехода достаточно прослѣдить — къ чему идетъ частный капитализмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Въ наиболѣе промышленно передовой странѣ — въ Америкѣ онъ уже принялъ форму огромныхъ панъ-американскихъ и даже всемірныхъ промышленныхъ синдикатовъ или трестовъ. Волей или неволей

всѣ частныя конкурирующія между собою предприятия сливаются въ одинъ огромный трестъ. Съ момента консолидаціи конкуренція сама собою прекращается и замѣняется монополіей въ данной области производства, а монопольное производство устанавливаетъ и монопольныя цѣны на продукты. При конкуренціи самостоятельныхъ предприятий цѣны опредѣлялись себѣстоимостью производства и нормальной доходностью на капиталъ, нормируемую именно соперничествомъ производителей, а съ упраздненіемъ конкуренціи этотъ регуляторъ капиталистическихъ аппетитовъ къ доходамъ отпадаетъ и цѣны продуктовъ уже регулируются только слѣпою жадностью монополиста и уровнемъ платежныхъ способностей населенія. Трестированный капиталъ беретъ съ потребителя сколько желаетъ, опредѣляетъ свою доходность по своему произволу. вмѣстѣ съ тѣмъ его доходы получаютъ уже характеръ не *промышленной прибыли*, а совершенно произвольнаго обложенія гражданъ налогомъ въ пользу монополиста. Но, вѣдь, право обложенія населенія принадлежитъ только государству, а не отдѣльнымъ лицамъ. Это значитъ, что трестированный капиталъ въ своемъ высшемъ развитіи захватываетъ уже основныя права и функціи національно-государственной власти и самъ становится властителемъ надъ всею націею. Граждане всѣхъ странъ вѣками боролись противъ права королей облагать подданныхъ по своему произволу и всюду добились права ограничивать обложенія плательщиковъ согласіями избранныхъ ими представителей въ палатахъ. Зато промышленные короли — желѣзные, мѣдные, колбасные, желѣзнодорожные, финансовыя и всякіе другіе — распоряжаются карманами своихъ подданныхъ безъ всякаго осужденія въ парламентахъ. Въ сущности вмѣстѣ съ правомъ обложенія гражданъ къ трестированному капиталу фактически переходитъ вся государственная власть и призрачно существующая демократія повсюду сама собою перерождается въ замаскированную абсолютную плутократію. Для того, чтобы частный капиталъ не поглотилъ собою національное государство, нужно, чтобы національное государство поглотило бы собою частный капиталъ и превратило бы уже монополизированное капиталистическое производство изъ частнаго въ государственное. Самая монопольность трестированнаго производства уже не позволяетъ ему оставаться частнымъ, ибо связанное съ монополіею право обложенія гражданъ въ пользу частныхъ лицъ нарушаетъ право частной собственности всего населенія и представляетъ собой дикій политически-правовой абсурдъ, съ которымъ не можетъ примириться никакой народъ. Поэтому на опредѣленной стадіи экономическаго развитія переходъ къ государственному капитализму становится абсолютно неиз-

бъжнымъ и во имя сохраненія демократическаго государства и во имя спасенія самого національнаго суверенитета.

Кажется первый понялъ эту истину великій государственный прошлаго вѣка кн. Бисмаркъ, слѣдовавшій въ экономической области идеямъ и личнымъ совѣтамъ перваго геніальнаго социалистическаго агитатора Фердинанда Лассалля. По его мысли Германія организовала частичный опытъ государственнаго капитализма въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ и поставила его на недостижимую высоту. Ленинъ послѣ неудачно кончившейся передачи фабрикъ рабочимъ сразу отказался отъ непосредственной социализации промышленности, замѣнилъ марксистскую социализацию лассалевско-бисмарковской национализацией, охватившей почти что всю цѣликомъ экономическую жизнь Россіи, и въ такой широкой постановкѣ государственнаго капитализма по лассалевскому рецепту далъ практическое разрѣшеніе всемірнаго вопроса о способахъ перехода отъ буржуазнаго строя къ социалистическому, неуказанныхъ въ теоріи Маркса. Государственный капитализмъ еще не социализмъ, но это уже историческій подходъ къ грядущему социализму, единственная степень и форма въ которой социализмъ можетъ быть осуществимъ безъ огромнаго ущерба и риска для страны при современной пока еще рѣзко индивидуалистической психологіи массъ. Социалистическія партіи и организации всѣхъ странъ послѣ поучительнаго опыта русской революціи должны для даннаго времени ограничить свои экономическія домогательства только этою задачею и вести борьбу не за установленіе социализма и коммунизма, реально неосуществимаго въ жизни самихъ коммунистовъ, а за установленіе государственнаго капитализма (*).

*) Какъ ленинскій НЭП ликвидировалъ социализацию, явно несоотвѣтствующую дѣйствительному уровню моральнаго и духовнаго развитія современнаго русскаго поколѣнія такъ же точно позднѣйшій сталинскій НЭП ликвидировалъ установленное Ленинымъ социалистическое равенство вознагражденія за всѣ формы труда и установилъ на фабрикахъ 11 или 14 категорій заработной платы. Сталинъ, конечно, прекрасно понималъ, что безъ экономическаго равенства нѣтъ никакого социализма, но онъ видѣлъ, что при равенствѣ вознагражденія болѣе трудоспособные рабочіе не желаютъ использовать въ трудѣ всю свою производительность и что развитіе социалистической или, вѣрнѣе говоря, полусоциалистической промышленности Совѣтовъ настоятельно требуетъ отступленія отъ этого основнаго догмата социализма. При выяснившейся неспособности морально неразвитыхъ рабочихъ безкорыстно работать во имя общественнаго интереса поневолѣ приходится связать ихъ работу съ ихъ личными имущественными интересами. Бюрократическая социализация, превышающая моральные ресурсы населенія, непременно становится иллюзорной, приучаетъ населеніе къ псевдо-социалистическому лицемъ-

Въ установленіи системы государственнаго капитализма вся программа реально-историческаго по своимъ методамъ ленинизма значительно отошла отъ программы абстрактно-утопическаго марксизма. Выяснивъ невозможность немедленнаго насильственнаго осуществленія социализма, въ силу моральной и психологической неподготовленности массъ, Ленинъ сталъ бороться за его будущее торжество путемъ социальнаго воспитанія и всесторонняго развитія народа. Вѣрный ученикъ его, Сталинъ продолжаетъ его дѣло, часто повторяя гордую фразу: «Мы строимъ социализмъ». Къ его боевому лозунгу нужно сдѣлать одну маленькую поправку: национальная и міровая заслуга Ленина и руководимой имъ русской революціи заключается именно въ томъ, что, отказавшись отъ немедленной постройки социализма, онъ въ осуществленной практически системѣ государственнаго капитализма построилъ мостъ къ будущему социализму и для Россіи и для всѣхъ народовъ земли. Поэтому и продолжатель его великаго дѣла былъ бы ближе къ исторической истинѣ, если бы сказалъ: «Мы строимъ мостъ къ всемірному социализму».

И. Гофштитеръ.

рлю и служить источникомъ очень опасныхъ экономически-бытовыхъ несоотвѣтствій и несообразностей. Не ограничиваясь введенною Сталинымъ рѣзкой разницей вознагражденія, казенная совѣтская пресса настоятельно требовала введенія въ социалистическихъ фабричныхъ столовыхъ различныхъ «меню» для хорошо оплаченной фабричной аристократіи и впроголодь питаемыхъ черноѣ рабочихъ. Корреспонденты газеты «За индустриализацію» возмущались, что отборнымъ ударникамъ приходится питаться изъ одного котла съ обыкновенными рабочими. По мнѣнію этихъ строителей социализма, называть другъ друга всѣ должны «товарищами», но въ фабричныхъ столовыхъ это товарищество отмѣняется, ибо привилегированные ударники тамъ кушаютъ дорогіе деликатесы, а сидящіе рядомъ съ ними рядовые рабочіе хлебають пустыя щи. Можно опасаться, что такое раздѣленіе трудящихся людей въ самомъ правѣ на питаніе повлечетъ къ глубокой безпощадной деморализаціи пролетаріата и едва ли можетъ быть названо рациональнымъ строительствомъ социализма. Проводя очень жестокими мѣрами имущественное уравненіе въ деревнѣ, не особенно логично вводить жратвенныя привилегіи и слишкомъ рѣзкія имущественныя подраздѣленія среди фабричныхъ рабочихъ. Всѣ эти тактическія противорѣчія вытекаютъ изъ одной основной ошибки руководящей совѣтскихъ реформаторовъ теоріи — изъ непониманія того, что истиннымъ путемъ къ социализму можетъ быть внутреннее перевоспитаніе человѣка, его моральное и духовное перевоспитаніе, которое въ порядкѣ естественной интеллектуальной эволюціи приведетъ его отъ индивидуалистической и личной къ космической и коллективной психологіи.